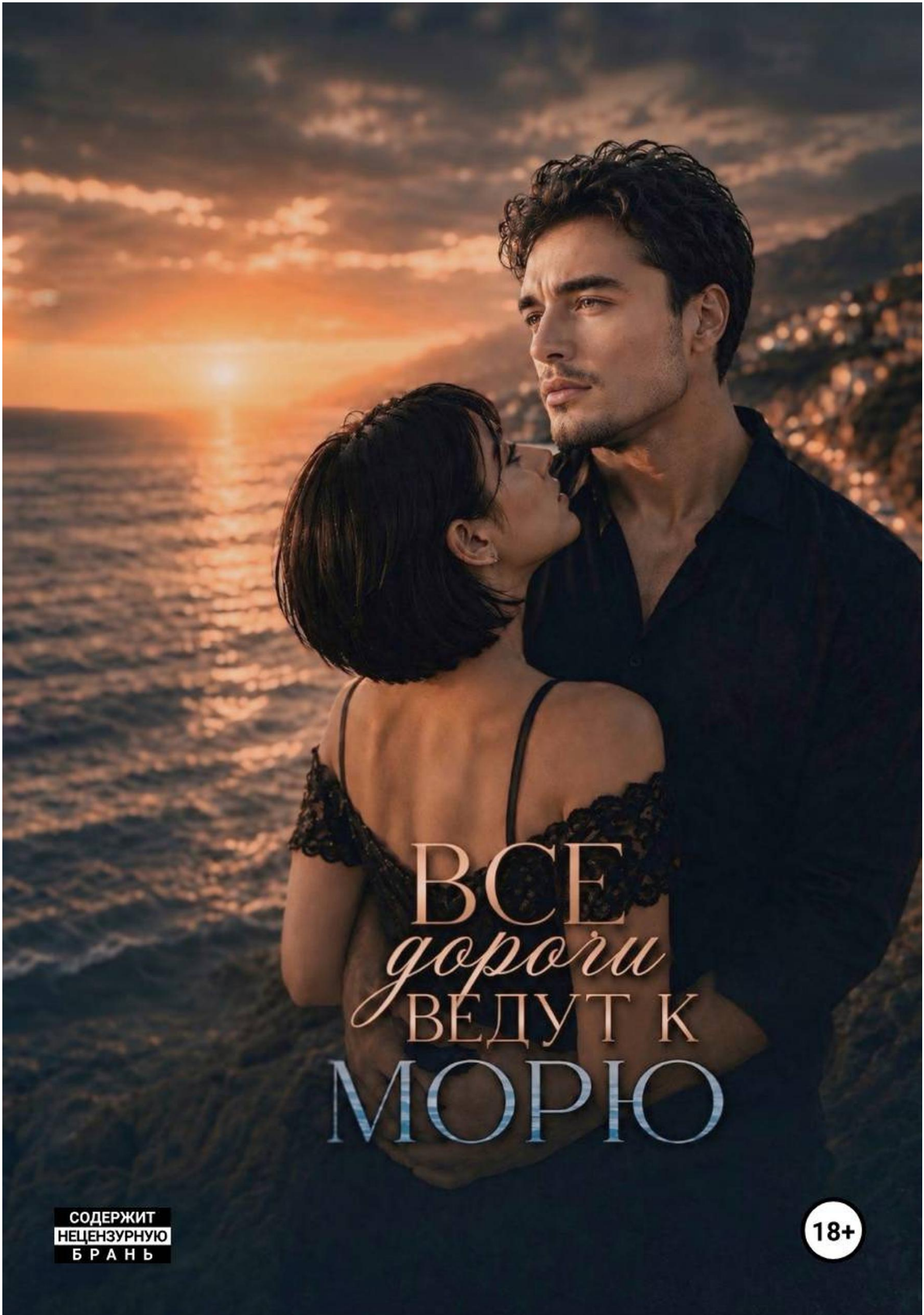
ВСЕ
дороги
ВЕДУТ К
МОРЮ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Анна Эскенс

Все дороги ведут к морю

«Автор»
2026

Эскенс А.

Все дороги ведут к морю / А. Эскенс — «Автор», 2026

Обычный вечер в баре сербского городка обернулся бегством: погоня, разбитое стекло, кровь на платье. Так Мира оказалась в машине Марко, человека с тёмными глазами и теплыми руками, которые только что вытаскивали осколки из её плеча.Ночь, граница, случайные прикосновения и взгляды, от которых невозможно дышать. Она замужем. Он друг её мужа. Между ними только темнота салона и понимание, что никто из них не будет делать первый шаг.Но можно ли остановить то, что уже началось? И правда ли, что все дороги ведут к морю?

© Эскенс А., 2026
© Автор, 2026

Анна Эскенс
Все дороги ведут к морю

Глава 1

Бар в Нови-Пазаре был из тех мест, куда туристы обычно не заходят. Небольшое помещение на первом этаже старого здания, вход со ступенькой и тяжёлой дверью, которая закрывалась всегда со стуком. Внутри пол был выложен тёмной плиткой, чуть липкой от пролитого пива, а стены тёплого, выгоревшего цвета, будто их когда-то красили в бордовый, но за годы он ушёл в коричневый. Свет держался на нескольких лампах под матовыми плафонами: жёлтый, густой, он не освещал зал полностью, а оставлял углы в тени.

В воздухе висел тяжелый коктейль из запаха дешевого табака, жареного мяса и мужского пота, специфический аромат тестостерона и ожидания. Музыкальный автомат не работал, но из колонок над баром глухо бубнило местное радио: надрывные балканские мотивы перемешивались с помехами, создавая нервный фон.

В дальнем углу, у старого музыкального автомата, сидел старик в потертой кепке. Он медленно цедил пиво и смотрел в одну точку.

За столом у стены собралась большая компания: человек десять, не меньше. Мужчины разного возраста, но одного типа: короткие стрижки, широкие плечи, крепкие шеи, плотные предплечья, на которых выступали вены. Кто-то был в спортивных футболках с логотипами залов, кто-то в простых чёрных рубашках. Они сидели, занимая слишком много пространства, ставили локти на стол, опирались спинами на стулья, вели себя достаточно громко.

Одного такого мужчину Мира переносила спокойно. Но когда таких становилось десять, ощущение менялось. Она сидела чуть в стороне, короткие тёмные волосы подчеркивали линию шеи, свет из-под матового плафона ложился на ключицы и оголенные плечи.

Мира внимательно рассматривала профиль мужа, замечая, как он увлеченно что-то рассказывал соседу справа, размахивая свободной рукой. Короткая, жесткая щетина, которую он обновлял каждое утро, едва заметная сеточка морщинок у углов глаз, следствие вечного прищура. К двадцати девяти годам Денис окончательно заматерел, растеряв юношескую угловатость, которую ещё помнила Мира со времен их знакомства, превратившись в тот тип мужчин, на которых невольно оборачиваются женщины.

— Всё нормально? — Денис, почувствовав на себе взгляд повернулся к ней, наклонился ближе.

Он положил свою ладонь ей на бедро, и его пальцы, сбитые на костяшках и вечно пахнущие кожей боксерских перчаток, коротким, почти неосознанным движением сжали её плоть через ткань платья. Его ладонь ощущалась привычно, не вызывая никаких чувств, как старая картина на стене, к которой уже давно привыкли взгляды проживающих.

— Если хочешь, можем пойти в отель. — он понизил голос так, чтобы его слышала только она.

— Всё в порядке, — девушка покачала головой, длинные висячие серьги пощекотали шею. — Сиди.

Он посмотрел на неё внимательнее, проверяя, не говорит ли она это из упрямства, в полумрачном свете бара его зеленые глаза выглядели темнее, потом коротко поцеловал в макушку. Ладонь на секунду легла ей на плечо.

— Ещё минут тридцать, и пойдём.

Он только выпрямился, как к их столу шагнул один из тех, кто сидел с ними с самого начала. Мужчина чуть старше Дениса, высокий, с плотной фигурой. Тёмная рубашка подчёркивала широкие плечи.

— Чтобы твоя жена не скучала, — он перевел взгляд с Дениса на Миру. Взгляд скользнул по ней цепко, с ленивой оценивающей мужской заинтересованностью. — Я могу научить её играть в бильярд.

Сзади его окликнули, и он полуобернулся, провёл ладонью по тёмным волосам, машинально откидывая их назад, кивнул и вновь вернулся к разговору.

— Не надо. — Ответ вырвался автоматически, но потом он повернулся к жене. — Хотя… если ты хочешь.

— Да мне и так нормально. — Мира натянуто улыбнулась.

Мужчина пожал плечами и поднял руки, показывая, что не настаивает.

— Как скажешь.

Он сделал несколько шагов в сторону барной стойки, неторопливо достал из кармана пачку, вытянул сигарету и чиркнул зажигалкой. Затем затянулся, выпустив густую струю дыма в сторону, и вполоборота прислонился к барной стойке, рассматривая зал.

Кто-то из компании окликнул его, и он отозвался, вступая в ленивую перепалку, но через секунду снова обернулся к Мире, бросая быстрый взгляд. Собеседник не унимался и эмоционально жестикулировал руками, на что тот лишь покачивал головой, достав телефон и, щурясь от дыма сигареты, что-то быстро набрал на экране. Короткий блик дисплея отразился в его глазах, прежде чем он убрал его обратно в карман.

У входа, на высоких табуретах, расположились две девушки. Ярко накрашенные, в коротких юбках, они пили коктейли через трубочки и откровенно разглядывали стол, где сидели бойцы. Одна что-то шепнула другой, Мира поймала их взгляд на Денисе, почувствовав раздражение.

Дверь бара распахнулась, со стуком ударившись о стену. Внутрь вошли сразу несколько мужчин: пятеро, может больше. Они не оглядывались по сторонам, не искали стол. Шли прямо, плотной группой, занимая весь проход.

Музыка продолжала играть, но разговоры у их стола стихли на долю секунды. Один из сербов в компании мужа повернул голову, прищурился, что-то сказал через плечо. В ответ ему бросили короткую фразу. Сербский Мира не понимала, но тон был понятен без перевода.

Несколько мужчин за столом переглянулись. Те, кто понимал язык, перестали улыбаться. Один медленно поставил кружку на стол, другой отодвинул тарелку. Шум вокруг сошел на нет.

Новые вошедшие подошли ближе. Один из них остановился в шаге от стола, склонил голову набок, сказал что-то уже громче. Мужчина из их компании ответил так же громко, не вставая, но глядя прямо в глаза.

Тот, кто повыше из пришедших толкнул плечом стул у края стола. Это выглядело как случайность, но слишком показная. Стул сдвинулся, задел ногу сидящего.

Один из компании наклонился к Денису. Несколько коротких слов, сказанных в ухо, и взгляд, брошенный в сторону вошедших. Он поднялся со стула, скрипнув стулом по плитке. В полшага пошел к жене, крепко охватывая её локоть.

— Что происходит? — она поднялась сразу.

— Надо идти, — он не сводил глаз с мужчин у входа.

Он уже разворачивал её в сторону выхода, когда один из вошедших шагнул вперёд.

— Денис? — прозвучало с вызовом.

— Что нужно, Алик? — Денис остановился, задвинув Миру себе за спину, ладонью направляя её за плечо.

Мужчина усмехнулся, оглядел его с головы до ног.

— Пойдём выйдем.

— Завтра в октагоне встретимся, — он не двинулся с места.

Кто-то из их компании шагнул вперёд, толкнул вошедшего в плечо. В ответ последовал удар. Стул полетел в сторону, задел соседний стол. Музыка продолжала играть, но её почти не было слышно за криками.

Миру кто-то задел плечом, она отступила к стене. Перед ней мелькали спины, руки, лица, перекошенные злостью. Кто-то кричал на сербском, кто-то по-русски. Пол стал скользким от пролитого пива.

Девушка вздрогнула от прикосновения к плечу. Чужая рука легла неожиданно.

— Пошли, — сказал мужчина, который несколько минут назад предлагал научить её играть в бильярд. Он стоял близко, перекрывая часть прохода, и настойчиво подталкивал её вперёд, к двери.

Она дёрнула плечом, пытаясь освободиться, и обернулась. Взгляд нашёл Дениса. Он стоял в пол-оборота, отбиваясь от чьего-то замаха, на скуле проступала красная полоса.

— Иди! — крикнул он, перекрывая шум. — В отеле встретимся!

Мира замерла на долю секунды, ощущая, как её снова подталкивают к выходу. Внутри всё сопротивлялось, но Денис уже отворачивался, возвращаясь в драку. За спиной грохнули стулья, кто-то закричал. Дверь распахнулась, впуская ночной воздух. Мужчина всё ещё держал её за плечо, направляя к тротуару.

Мира возмущенно дернула плечом, сбрасывая его руку. Она остановилась так внезапно, что он по инерции сделал еще полшага вперед и вынужден был развернуться.

— Я сама в состоянии идти, — отрезала она. — Не нужно меня толкать.

— Конечно, — он едва заметно наклонил голову, убирая руку, и на его губах появилась та самая ленивая, едва уловимая усмешка, которую она заметила еще в баре. — Но если мы задержимся еще на пару секунд, чтобы обсудить твоё право на личное пространство, из тех дверей может выйти кто-то менее вежливый, чем я.

Парковка перед баром освещалась одним тусклым фонарём, под которым стояло несколько машин. Он достал из кармана брелок, нажал кнопку, в темноте мигнули фары, и короткий сигнал подтвердил, что автомобиль разблокирован.

Он подвел её к чёрному седану, не ускоряя шаг, но не давая больше остановиться. Дверцы щёлкнули, габариты на секунду вспыхнули и погасли. Мужчина открыл пассажирскую дверь и, наклоняясь ближе, чтобы она его услышала, спросил:

— Впервые в Сербии?

Мира подняла на него глаза. Свет габаритов высветил его лицо слишком отчетливо: тёмная щетина по линии челюсти, тонкий светлый шрам у скулы, который при обычном освещении можно было бы не заметить.

— Что происходит?

Её голос был резче, чем она ожидала. За спиной до сих пор доносились крики, хлопки дверей, чьи-то быстрые шаги.

Он обошел машину, сел за руль, захлопнул дверь и повернул к ней голову.

— Ничего. Обычная драка перед боем. Парни выплеснут пар, через пару минут приедет полиция и разгонит всех по домам. Всё в порядке.

Он завёл двигатель, мотор отозвался низким ровным гулом. Мужчина переключил передачу и посмотрел вперёд, на дорогу.

— Это нормально, — добавил он. — Не переживай.

Мира нащупала ремень безопасности и потянула его через плечо. Пластиковый фиксатор щёлкнул слишком громко. Руки немного дрожали, и она с усилием выровняла дыхание, глядя перед собой, в лобовое стекло.

Мужчина вывел машину с парковочного места, плавно повернул руль. Свет фар выхватил из темноты край тротуара, дорожный знак, чью-то припаркованную мотоциклетку.

— Я Марко, — сказал он, не отрывая взгляда от дороги. — Мы не успели познакомиться.

— Мира.

Машина выехала на главную дорогу. Бар остался позади, шум стих, сменившись ровным гулом двигателя и редкими звуками проезжающих машин. Ночные улицы Нови-Пазара были полупустыми: редкие фонари, вывески магазинов, закрытые ставни.

— Зря ты отказалась от партии в бильярд, — сказал Марко, чуть поворачивая руль на повороте.

Мира не ответила. Она смотрела в окно, где в отражении стекла видела своё напряженное лицо.

Марко бросил на неё короткий взгляд и снова вернулся к дороге.

Машина свернула с главной дороги, и Мира наконец узнала улицу. Впереди, метрах в двухстах, горели жёлтые буквы вывески их отеля. Она даже разглядела тёмный силуэт круглосуточной пекарни на углу, они брали там буреки позавчера. Мира непроизвольно подалась вперёд, сжимая в ладонях ремень безопасности.

Марко сбросил скорость. Фары скользнули по парковке перед входом. В салоне прозвенел звонок. Он бросил короткий взгляд на экран, нажал на кнопку принятия вызова и что-то быстро, отрывисто заговорил на сербском. Затем замолчал и, не глядя на Миру, протянул ей трубку.

— Да?

— Мир, — голос Дениса был глуховатым, будто он отошёл куда-то в сторону. — Не переживай.

— Где ты? — Она напряглась сильнее. — Ты в порядке?

— Всё нормально. Слушай, тебе сегодня нельзя возвращаться в отель, Марко отвезет тебя в другой, сними там номер.

Она посмотрела в лобовое стекло на светящуюся вывеску в нескольких метрах.

— В смысле нельзя? Почему?

— Алик знает, где мы остановились, — последовала короткая пауза, и на заднем фоне послышались голоса. — Тот, с кем я завтра дерусь. Не хочу рисковать. Мало ли что у него в голове.

— Денис, блин, что происходит?

— Алик не хочет, чтобы я выходил с ним. — Он выдохнул. — Но сам отказаться от боя не может. Поэтому будет давить. Понимаешь?

— Так откажись ты! — Она почти сорвалась на крик.

— Мир, так это не работает, — в голосе прозвучала усталость. — Контракт подписан. Просто… сегодня лучше не светиться в отеле.

Она молчала несколько секунд, глядя на стеклянные двери в пяти шагах от машины. Всё казалось абсурдным: ещё минуту назад она собиралась выйти и лечь спать.

— И ещё, — добавил Денис. — Заряди телефон. Как приедете сразу поставь на зарядку. Если что-то пойдёт не так или если я позвоню ты должна быть на связи. Хорошо?

— Ладно. — Мира невольно закатила глаза.

— Я позвоню попозже. — сказал он и отключился.

Мира сжала телефон в ладони и повернулась к Марко. Свет отеля бил в лобовое стекло, вывеска отражалась на приборной панели, будто манила обратно к привычному и понятному.

— Я могу хотя бы какие-то вещи забрать? — голос звучал уже не так резко, как пару минут назад, но внутри всё кипело.

Марко посмотрел на отель, потом перевёл взгляд на зеркало заднего вида, оценивая обстановку сзади. Свет приборной панели высвечивал его лицо снизу, делая черты жёстче, старше. Он задумался ровно на три секунды, и Мира физически чувствовала, как он просчитывает варианты.

— Давай, да, — кивнул он наконец. — Я пойду с тобой.

Он заглушил двигатель, вышел первым, обошёл капот и открыл ей дверь. Ночь была тёплой, асфальт ещё держал дневное тепло. От пекарни тянуло сладковатым тестом. Вход в отель казался спокойным, стеклянные двери, яркий холл, за стойкой ресепшена кто-то листал журнал.

Она сделала всего пару шагов к крыльцу, слыша, как каблуки босоножек громко стучат по тротуару, когда боковым зрением уловила движение. Из-за угла здания, прямо со стороны той самой уютной пекарни, вынырнули трое. Они двигались не просто быстро, они шли на перерез, плотной, агрессивной стеной, не скрывая намерений. Мира поправила сумку на плече, быстро оглянулась на Марко и сделала шаг ко входу.

Марко среагировал ещё до того, как Мира успела осознать опасность. Его рука обхватила её за локоть, буквально выдергивая с траектории движения к отелю. Он развернул её обратно к машине, его лицо при этом исказилось в какой-то странной, почти безумной полуухмылке.

— Похоже, дорогая, сегодня тебе придётся обойтись без сменного белья, — бросил он, пытаясь за этой неуместной шуткой скрыть подступающее напряжение.

Один из мужчин, тот, что шел впереди, что-то яростно выкрикнул на сербском, слова хлестнули по воздуху как удары плети. Марко не остался в долгу: он обернулся через плечо и выплюнул в ответ короткую, резкую фразу, от которой преследователи прибавили ходу.

— Быстро в машину! Бегом! — рявкнул он, и его пальцы впились в её плечо, подталкивая вперёд.

Сорвавшись на бег, Мира слышала только своё неровное дыхание и тяжелый топот ботинок за спиной. Когда до спасительной двери седана оставалось всего пара метров, воздух позади неё свистнул. Тяжелый обломок тротуарной плитки пролетел в сантиметрах от её виска и с оглушительным, кристальным звоном врезался в панорамное окно витрины, мимо которой они пробегали.

Мира никогда не слышала, как взрывается стекло, вживую. В кино это звучит приглушённо, красиво. В реальности это оказалось оглушительным, резким, как выстрел. Осколки брызнули во все стороны, засверкали в свете уличного фонаря, как разлетающиеся бриллианты.

Девушка вскрикнула, когда почувствовала резкий, обжигающий удар в левое плечо, будто её хлестнули раскаленной проволокой.

Марко выругался сквозь зубы, перехватил её под локоть и буквально втолкнул в сторону машины. Он распахнул дверь пассажирского сиденья так резко, что та ударилась об ограничитель, втолкнул Миру и усадил внутрь.

Сзади снова крикнули. Один из мужчин был уже в нескольких шагах.

Марко обогнул капот бегом, рывком открыл водительскую дверь, прыгнул внутрь и повернул ключ. Двигатель взревел, машина дёрнулась. Он резко вывернул руль, шины коротко взвизгнули по асфальту.

Сначала боли не было, только странный, тупой толчок, будто кто-то сильно ударил её ладонью. Но через секунду плечо взорвалось пульсирующим жаром. Она коснулась кожи, и пальцы наткнулись на что-то острое и холодное. Страх пришел не сразу, сначала навалилась странная пустота, в которой звуки улицы стали глухими, как под водой. Она видела, как Марко лихорадочно крутит руль, видела его сжатую челюсть, но не могла произнести ни слова. Горло пересохло, а сердце колотилось где-то в районе ключиц, мешая сделать полноценный вдох. Каждый поворот машины отдавался в плече новой вспышкой боли, заставляя её сильнее вжиматься в мягкую спинку сиденья.

— Потерпи немного, — Марко не сводил взгляда с дороги. — Сейчас отъедем подальше, остановимся и я посмотрю, что с рукой.

В салоне горел только тусклый свет приборной панели. Мира кивнула, хотя вряд ли он видел этот кивок в темноте. Ладонь под её пальцами становилась всё более влажной, и она изо

всех сил старалась не думать о том, как глубоко может быть порез и что там, внутри раны, могут остаться осколки.

Глава 2

Машина плавно съехала на обочину и остановилась. Гравий заскрипел под колёсами, и вокруг сразу стало непривычно тихо, только ветер тёрся о кузов и где-то вдалеке шумела дорога. Марко заглушил двигатель, щелкнул кнопкой салонного света, но тусклая желтоватая лампа лишь размазала тени, не давая никакой ясности. Он раздраженно выдохнул, его пальцы на мгновение сжали переносицу.

— Сиди, — коротко бросил он. — Я сейчас.

Он вышел, и Мира услышала, как хлопнула крышка багажника. Она смотрела прямо перед собой, в темноту, где фары выхватывали кусок гравийной обочины и сухие стебли травы. Дыхание было неровным, сердце колотилось где-то в горле.

Она поднесла здоровую руку к лицу: пальцы измазанные кровью дрожали. Мира сжала их в кулак, впиваясь ногтями в ладонь, но дрожь не проходила, она просто переместилась глубже, в запястье, в локоть, в плечо.

Мира закрыла глаза, пытаясь заставить себя дышать ровно, чувствуя как на коже подсыхает кровь, стягивающее, липкое ощущение, которое делало каждое движение болезненным.

Дверь с её стороны распахнулась, впуская внутрь прохладный ночной воздух. Марко опустился на корточки перед открытым проёмом, держа в руке мощный диодный фонарь; он установил его на порог машины, и резкий белый луч ударил снизу вверх, освещая салон.

— Дай посмотрю. — Он чуть прищурился от яркого света фонаря.

Мира осторожно протянула ему левое плечо. Марко обхватил её предплечье. Его ладонь была огромной, горячей и удивительно сухой. Мира вздрогнула. Он почувствовал эту дрожь, и его пальцы на долю секунды сжались крепче, реагируя на сигнал тревоги, успокаивая, обещая, что не причинит боли. Она невольно посмотрела на него сверху вниз. В резком свете фонаря его лицо казалось высеченным из темного дерева: глубокие тени под глазами, четкая линия губ, на которых застыло выражение суровой сосредоточенности.

— Здесь остались осколки, будем доставать, — констатировал он, чуть поворачивая её руку, чтобы лучше рассмотреть края пореза. — И рана глубокая. По-хорошему, пару стежков бы наложить.

— В каком смысле… доставать? — едва слышно переспросила Мира.

Её голос сорвался, превратившись в надломленный шепот. Она смотрела на свою руку как на чужую, и осознание, что кто-то сейчас будет лезть внутрь раны, заставило её сердце пропустить удар. Губы девушки слегка задрожали, а лицо в неестественно белом свете фонаря стало совсем прозрачным.

Марко заметив это напряжение, накрыл её ледяные, непослушные пальцы своей широкой ладонью, начал медленно растирать её ладонь, разгоняя застоявшуюся кровь и пытаясь вернуть Мире ощущение реальности.

— В прямом, Мира. Пинцетом и руками, — он на мгновение задержал взгляд на её лице, заставляя её сфокусироваться на нём. — Не переживай. Я врач.

Марко отпустил её руку так же внезапно, как взял. Поднялся, хрустнув коленями, и снова ушёл в темноту, к багажнику. Багажник хлопнул, и он вернулся с пластиковым боксом в руках. Поставил его на землю рядом с фонарём, опустился на корточки, открыл. На секунду замер, глядя на неё снизу вверх, вытянул из бокса влажную салфетку. Протянул ей, жестом веля взять.

Мира взяла салфетку, чувствуя, как пальцы плохо слушаются. Она прижала её к ладони и замерла, глядя на тёмные разводы, которые тут же поползли по белой поверхности. Кровь уже подсохла, и салфетка не стирала, а размазывала грязно-бурыми пятнами по коже, забиваясь в складки между пальцами, под ногти.

— Аллергия на лидокаин есть? — Он уже открывал ампулу, щёлкнул по стеклу, надел перчатки.

— Не надо! — Девушка резко дернулась, буквально вжимаясь спиной в кожаную обивку сиденья. — Просто вытащи их и всё.

Марко замер, удерживая её за предплечье. В тесном пространстве между открытой дверью и сиденьем стало слишком мало воздуха. Он смотрел на неё снизу вверх, и в его темных глазах на мгновение отразилось нетерпение, которое тут же сменилось чем-то мягким, почти покровительственным.

— Послушай, — он заговорил тише, и этот рокочущий бас странным образом подействовал на неё успокаивающе. — У тебя в руке крошечные куски стекла. Если я начну их выуживать на живую, ты либо потеряешь сознание от болевого шока, либо дернешься так, что я разрежу тебе мышцу. Ты же не хочешь, чтобы я испортил такое красивое плечо?

Он чуть заметно улыбнулся одними уголками губ, и эта мимолетная, почти неуловимая мимика вдруг сделала его человечнее. Марко вздохнул, видя, как она до белизны сжала губы, и на мгновение отложил шприц на чистую салфетку. Он понимал, что её бьет не столько от боли, сколько от пережитого за последние полчаса стресса.

— Ладно, — он чуть наклонил голову, и прядь темных волос упала ему на лоб. — Давай по-другому. Раз уж ты так боишься иголок, нам нужно на что-то отвлечься.

Он протянул руку к приборной панели и указал длинным указательным пальцем на крупную кнопку магнитолы.

— Нажми. Там вставлена флешка, должна быть хорошая подборка

Мира, дрожащей рукой, потянулась к панели, нажав на кнопку; салон наполнился мягким шипением, которое через секунду сменилось первыми, до боли знакомыми аккордами электрогитары. Пронзительный, тягучий звук вступления Still Loving You поплыл в тесном пространстве машины.

— Олдскул?

— Классика не стареет, — отозвался Марко. Он снова взял шприц, но теперь его движения казались синхронными с ритмом музыки.

Он дождался момента, когда гитарный перебор стал более интенсивным, и снова зафиксировал её руку. Взгляд его стал предельно собранным, профессиональным.

— А теперь, Мира, на счет «три» вдохни поглубже и посмотри на меня.

— Один, — музыка наполняла салон, сердце Миры стукнуло в такт надрывному вокалу Клауса Майне.

— Два, — Марко чуть крепче сжал её предплечье.

— Три, — выдохнул он одновременно с тем, как игла коснулась кожи.

Мира почувствовала острое, тонкое вторжение, и в ту же секунду её мир пошатнулся. Звуки стали приглушенными, далекими, будто она оказалась под водой. Сердце в груди пустилось в бешеный, рваный пляс, ударяя в ребра так сильно, что каждый толчок отдавался в висках тяжелым молотом.

К горлу подступила горячая, липкая тошна, а пространство машины начало медленно вращаться вокруг одной точки: темных, сосредоточенных глаз Марко. Мира судорожно глотнула воздух, но его не хватало. В глазах потемнело, картинка рассыпалась на серые пятна, и она почувствовала, как по щекам, вопреки её воле, покатились горячие, крупные слезы, от шока, беспомощности и того самого жуткого головокружения, которое заставляло землю уходить из-под ног.

Марко быстро вытащил иглу и отложил шприц. Он видел всё: и её внезапную бледность, и то, как расширились её зрачки, и этот беззвучный поток слез.

Он выждал несколько секунд, наблюдая, как к ней медленно возвращается фокус, а затем чуть приподнял уголок губ в своей характерной, скупой манере. Накрыв своей ладонью её руку,

всё ещё безвольно лежащую на подлокотнике, крепко обхватили её запястье, прощупывая участившийся пульс.

— Знаешь, — он кивнул на магнитолу, где песня как раз дошла до надрывного припева, — Так драматично под Скорпионс у меня на глазах ещё никто не страдал.

Мира шмыгнула носом, и сквозь пелену дурноты и слез в её груди шевельнулось что-то похожее на смех. Это было настолько нелепо и точно подмечено, что напряжение внутри неё на мгновение лопнуло. Она слабо, почти виновато улыбнулась, глядя на него сквозь мокрые ресницы. Головокружение начало отступать, оставляя после себя лишь звон в ушах и странное тепло в том месте, где он её держал.

Марко замолчал, глядя на неё уже без тени усмешки. Он медленно, одним точным движением стянул латексную перчатку, бросив её на приборную панель, протянул руку и очень осторожно, почти невесомо, коснулся её щеки. Подушечкой большого пальца он поймал соленую дорожку и вытер её, задержав руку на её лице. Его кожа была шершавой и горячей, и от этого прикосновения по телу Миры прошла совсем другая дрожь, та, что заставляет замирать дыхание.

Он замер, глядя на то, как меняется её лицо от его прикосновения. В его глазах на секунду мелькнуло что-то, похожее на изумление, словно он сам не ожидал, что захочет это сделать.

— Когда онемеет, я извлеку осколки, — продолжил он, переводя взгляд на её плечо.

Мира замерла. В тесном салоне, наполненном надрывным вокалом Клауса Майне, стало невыносимо мало места. Она видела каждое его движение: как он чуть прищурился, наблюдая за её реакцией, как двигается его кадык, когда он сглатывает.

— Здесь чувствуешь? — Его голос стал ниже, вибрируя где-то у неё в груди. Он слегка сжал её кожу чуть выше локтя. Мира почувствовала, как по позвоночнику пробежала колючая искра.

— Да… нет. То есть, чувствую, но… — Слова не выстраивались в цельное предложение.

Марко переместил пальцы чуть выше, к самому краю пореза, едва касаясь воспаленной кожи. Его большой палец замер в миллиметре от раны, а остальные плотно прижались к её плечу, глаза не сходили с её лица.

— Хорошо, — он наконец отвел взгляд. Но руку убрал не сразу, задержав ладонь на её плече лишнюю секунду, прежде чем потянуться за новой парой перчаток. — Еще минута, и начнём.

Марко снова натянул перчатки: резкий, сухой хлопок латекса прозвучал в тишине салона как сигнал к началу. Он достал из аптечки изящный стальной пинцет, тщательно протер его спиртовой салфеткой, и в свете фонаря металл хищно блеснул.

— Ну что, Мира, — он чуть склонился, его плечо почти касалось её колена. — Так ты в Сербии первый раз?

Девушка кивнула, изо всех сил стараясь смотреть в боковое окно, на темные силуэты деревьев, только чтобы не видеть, как сталь приближается к её коже. Она почувствовала глубокое, тупое давление; боли не было, только странное ощущение, будто внутри кто-то копошится.

Пинцет плотно обхватил что-то твердое. Марко плавно потянул руку на себя, и первый осколок: острый треугольник, зазубренный по краям, с негромким стуком упал на землю у его ног.

— И как тебе? — он снова нырнул инструментом в рану, действуя удивительно сосредоточенно. — Понравилось у нас?

Мира смотрела в окно, но краем глаза видела, как двигается его рука. Пинцет снова нырнул в рану, и она почувствовала странное, тянущее ощущение, не боль, а именно давление. Звук был самый противный: влажный, чавкающий, когда металл касался плоти. Она зажмурилась, вцепившись здоровой рукой в край сиденья.

— В первый день мы успели только в церковь Святого Петра зайти, — прошептала она, пытаясь сосредоточиться на воспоминаниях, а не на звоне металла. — А на второй мне пришлось убегать из бара с незнакомцем. Пока сложно сказать понравилось или нет.

Марко замер. Он как раз зажал второй осколок, помельче, но не стал его сразу выбрасывать. Он медленно поднял на неё глаза. В углу губ промелькнула та самая скупая улыбка.

— Значит, с незнакомцем? — переспросил он, и его низкий голос с легкой хрипотцой прозвучал почти интимно в тесном пространстве машины.

Второй осколок звякнул, присоединившись к первому. Марко чуть подался вперед, сокращая и без того крошечное расстояние между ними.

— Я сейчас вытаскиваю у тебя из плеча куски стекла, — он снова опустил взгляд к ране, но его тон остался прежним, — А ты до сих пор считаешь меня незнакомцем?

Он вновь наклонился, делая вид, что рассматривает рану, но Мира кожей чувствовала его дыхание на своём плече. Затем аккуратно промокнул выступившую кровь стерильным тампоном и посмотрел ей в глаза, удерживая этот взгляд дольше, чем позволяли приличия.

— По-моему, после такого мы как минимум хорошие знакомые, Мира.

Она смотрела на него, не моргая, чувствуя, как онемение от лидокаина странным образом смешивается с оцепенением во всем теле. Его близость была чрезмерной, почти незаконной.

Марко не спешил возвращаться к инструментам. Он чуть склонил голову набок, наблюдая за её замешательством, и в уголках его глаз прорезались едва заметные лукавые морщинки.

— Ты сейчас молчишь, потому что у тебя шок и ты не можешь выговорить ни слова? — Он понизил голос до вкрадчивого полушепота. — Или ты просто категорически несогласна с тем, что я говорю?

Мира хотела что-то ответить, возразить или хотя бы пошутить в тон, но воздух в легких будто превратился в свинец. Марко, заметив её замешательство, не отстранился, а наоборот, медленно приблизил лицо.

Теперь их разделяло от силы сантиметров десять. Мира видела каждую золотистую искру в его кофейных зрачках, чувствовала жар, исходящий от его кожи, и терпкий, мужской запах с удушающей примесью табака. Секунды растянулись, превращаясь в густой мед. Время замерло. В этой интимной, оглушительной тишине был слышен только стук её сердца: неровный, заполошный, выдающий её с потрохами.

Марко замер, удерживая этот невыносимый взгляд еще мгновение, будто проверяя на прочность её выдержку. Взгляд на секунду опустился к её губам и тут же вернулся к глазам.

— Готово, — выдохнул он, резко разрывая дистанцию.

Мира невольно качнулась вперед, по инерции следуя за его движением, но Марко уже выпрямился.

— Всё чисто. Осколков больше нет, — буднично произнес он, уже доставая из аптечки рулон стерильного бинта. — Нужно перебинтовать. Сиди смирно, сейчас зафиксирую плечо, и поедем.

Он снова сменил перчатки, и этот сухой звук окончательно вернул их в реальность. Мира сглотнула, пытаясь выровнять дыхание. Она всё еще чувствовала фантомное тепло его лица на своей коже.

Марко делал всё слишком быстро и методично, словно стирал следы преступления: сгрёб окровавленные салфетки, пустые ампулы и использованные перчатки в плотный пластиковый пакет, щелчком закрыл аптечку и забросил её в багажник. Отойдя к покосившейся бетонной урне у края забора, скинул туда мусор и вернулся к машине. Ночная прохлада, казалось, немного остудила то электричество, что искрило в салоне минуту назад.

Он замер у открытой двери, прислонившись плечом к стойке, и Мира видела, как он медленно выдохнул, глядя в черную пустоту сербской ночи. Достав из кармана помятую пачку, он

вытянул сигарету и чиркнул зажигалкой; крошечный огонек на секунду высветил его жесткое лицо и сосредоточенную складку между бровей.

Тошнотворный запах табака мгновенно ворвался в салон, смешиваясь с ароматом антисептика. Марко затянулся, прикрыв глаза, и на мгновение показался Мире не врачом и не спасителем, а просто бесконечно уставшим человеком. Он протянул пачку вглубь салона, предлагая ей, и кончики его пальцев коснулись края приборной панели.

Мира посмотрела на его руку, на эту пачку, и покачала головой, чувствуя, как от запаха дыма кружится голова.

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Правильно, — Марко едва заметно усмехнулся, выпустив струю дыма в сторону открытой двери.

Он сделал еще одну короткую затяжку и одним щелчком отправил окурок в темноту, обходя машину.

— Паспорт с собой? — Марко завел двигатель машины.

— Да, в сумке…

Марко чуть склонил голову, и на его губах появилась та самая едва уловимая, полуфлиртующая улыбка, от которой у Миры перехватило дыхание.

— Хорошо, — он замолчал на секунду, сокращая дистанцию между ними, чуть подаваясь вперед. — Скажи мне, Мира, ты когда-нибудь была в Черногории?

Мира непонимающе нахмурилась, глядя на него снизу вверх.

— Нет, — она выдохнула, чувствуя, как его лицо снова оказывается слишком близко. — Но при чём тут Черногория?

Марко усмехнулся, и эта усмешка, такая уверенная и обезоруживающая, заставила её сердце предательски пропустить удар. Он расслабленно откинулся на спинку сиденья, но продолжал смотреть на неё, не разрывая визуального контакта.

— Делать нам всё равно нечего, Мира. Не нарезать же круги по городу до рассвета.

Он завел двигатель, и салон наполнился низким, убаюкивающим гулом. Рука Марко легла на рычаг переключения передач, случайно, или намеренно, коснувшись края её колена.

— По-моему, это плохая идея, — запротестовала Мира, хотя голос её звучал уже не так уверенно. — Я не думаю, что Денис…

Она резко замолчала, осекшись на полуслове. Фраза повисла в воздухе, липкая и неудобная. Мира вдруг с ужасающей четкостью осознала, что с того момента, как Денис позвонил ей с просьбой ехать с Марко, прошло полтора часа. Полтора часа, за которые она ни разу: ни когда летело стекло, ни когда игла входила в кожу, ни когда Марко вытирал её слезы, не вспомнила о муже.

Она почувствовала, как щеки обдало жаром. Неловкость стала почти осязаемой. Она вспомнила о Денисе только как о формальности, как об оправдании, которое больше не казалось ей весомым.

Марко не пропустил эту заминку. Он перевел взгляд на её губы, затем снова в глаза, и в его прищуре промелькнуло понимание, от которого Мире захотелось спрятаться.

— Денису важно, чтобы ты была в безопасности, — тихо произнес он, и в его голосе больше не было насмешки. — И я эту безопасность тебе обеспечу. Ну так что, Мира? Посмотрим на море?

Глава 3

Мира очнулась оттого, что перестала чувствовать движение. Ровный гул мотора, убаюкивавший её последние полчаса, оборвался, и в наступившей тишине собственное дыхание показалось оглушительным. Она открыла глаза.

Но настоящим пробуждением послужила резкая, пульсирующая вспышка в левом плече. От неосторожного движения рану прошило каленым железом, и Мира невольно вскрикнула,

тут же зажимая рот ладонью. Онемение от лидокаина, которое до этого милосердно окутывало руку ватным коконом, начало отступать, пропуская вперед живую, грызущую боль.

Салон тонул во темноте, только тусклые зелёные цифры на приборной панели высвечивали время: 2:14. Водительское кресло пустовало. Мира моргнула, прогоняя остатки сна, и рывком села прямо. Голова на секунду закружилась, перед глазами поплыли цветные пятна. Она вцепилась здоровой рукой в подлокотник, пытаясь сфокусировать взгляд на чёрных провалах окон.

Ничего. Только тёмные силуэты деревьев, неподвижные, как декорации, и кусок ночного неба, густо усыпанный звёздами. Сердце пропустило удар и пустилось в галоп. Она уже потянулась к ручке двери, лихорадочно соображая, есть ли у неё хоть какой-то план, если придётся выбираться из машины одной в этой глуши, когда фары встречного света выхватили из темноты фигуру.

Марко шёл от небольшого придорожного кафе. В одной руке он нёс два картонных стаканчика, в другой — бумажный пакет. Увидев её лицо, прижатое к стеклу, он ускорил шаг.

Дверь распахнулась, впуская ночную прохладу и запах эспрессо.

— Проснулась? — он поставил стаканчики в подстаканники, сунул ей в руки тёплый пакет. — Как рука?

Мира прижала пакет к груди, чувствуя, как под рёбрами медленно отпускает ледяной спазм.

— Болит, — выдохнула она слишком поспешно. — Но нормально.

Марко хмыкнул, усаживаясь за руль. Белый свет от витрины кафе падал на его профиль, высвечивая тени под глазами и жёсткую линию челюсти. Он выглядел уставшим, но отчего-то это не делало его менее привлекательным. Наоборот, появлялось что-то почти уязвимое в том, как он тёр переносицу большим пальцем.

— Бери сверху, — он взял один из стаканчиков, проверил крышку и протянул ей. — Он горячий.

Мира усмехнулась, едва заметно, и вскинула бровь.

— Что? — он покосился на неё.

Она помотала головой.

— Ничего.

Но уголок её губ всё равно предательски дрогнул. Она аккуратно обхватила стакан за крышку, как он и сказал, чувствуя, как тепло медленно просачивается в пальцы. Сделала маленький глоток: горький, крепкий, почти обжигающий.

Марко тем временем вырулил обратно на трассу. Фары выхватили из темноты указатель: до границы 12 километров. Он бросил взгляд на приборы, поправил зеркало заднего вида.

— Так что, — произнёс он наконец, глядя вперёд, — мы вроде условились, что стали хорошими знакомыми.

Он перевёл взгляд на неё: коротко, изучающе, и снова вернулся к дороге. Встречная фура пронеслась мимо, на секунду ослепив салон светом, и когда глаза привыкли к темноте, Марко заговорил снова.

— Может, это повод хоть что-то о себе рассказать? А то я пока знаю только то, что ты падаешь в обморок при виде шприца.

— Такая у меня реакция, — Мира опустила взгляд в стакан, наблюдая, как тонкая струйка пара растворяется в темноте салона. — Что поделать?

— У каждого свои слабости, — согласился он.

Дорога пошла на подъём, мотор напряжённо загудел, и Марко переключил передачу.

— Я вообще-то тоже о тебе ничего не знаю, — Мира провела пальцем по краю стакана, собираясь с мыслями. — Часто ты спасаешь девушек, попавших в беду?

Он отпил кофе, будто обдумывая формулировку.

— Если выдаётся возможность в перерывах между боями и хирургическим отделением.

— Ну вот. — Мира театрально поджала губы. — А я ненароком подумала, что я единственная.

На этот раз он улыбнулся уже откровеннее. И неожиданно наклонился ближе. Слишком близко. Она почувствовала тепло его дыхания и горечь кофе. За окном мелькнул очередной указатель, но Мира его не разглядела.

— Но, справедливости ради, — произнёс он тише, — стоит отметить, что из всех девушек, которых я спасал, ты самая красивая.

Он так же спокойно отстранился и снова уставился на дорогу, словно ничего особенного не произошло. Впереди показался крутой поворот, Марко сбросил скорость, и машина плавно вписалась в дугу. Мира машинально опёрлась ладонью здоровой руки о переднюю панель, удерживая равновесие.

— Сомнительный комплимент. — Мира повернула голову к окну, тяжелые, длинные серьги снова мазнули по шее холодным металлом, вызывая почти физическое раздражение.

— Почему?

— Внешность обычно хвалят, когда больше ничего другого хвалить не остаётся. — Она подняла руку и, почти не глядя, нащупала тонкую застежку первой серьги. Пальцы слушались плохо, но она с каким-то ожесточением дернула металл. Тонкая дужка неохотно поддалась. Вторая сережка последовала за первой.

— Удивительная, — он тихо рассмеялся. — Ты ведь сама избегаешь возможности позволить мне узнать, за что тебя можно похвалить.

Мира прищурилась, разжала кулак, и два сверкающих каскада камней с сухим, пластмассовым стуком упали на пластиковую панель перед ней.

— Это что, попытка обвинить меня в собственной загадочности?

— Это констатация факта, — спокойно отозвался он. — Я задаю вопросы. Ты уходишь от ответа. Я делаю выводы.

Он мельком глянул на брошенные серьги, которые теперь подпрыгивали на панели при каждом ухабе дороги, и в его взгляде проскользнула понимающая усмешка.

— И какие же выводы? — она повернулась к нему чуть резче, чем собиралась.

Он задумчиво постучал длинными тонкими пальцами по рулю. В свете приборов блеснул циферблат: 2:27. До границы, судя по знаку, оставалось семь километров.

— Что ты привыкла держать дистанцию.

— Серьезно? — Мира закатила глаза, но пальцы непроизвольно сильнее сжали теплый картонный стаканчик. — Боец, хирург и ещё интуитивный психолог?

— Не психолог, — он покачал головой. — Просто внимательный.

— Хорошо, внимательный. — Она сделала ещё глоток кофе, будто выигрывая время. — Что-то ещё успел заметить?

Марко замолчал, всматриваясь в полосу дороги, плавно повернул руль чуть левее, выравнивая машину на пустой ночной трассе, и только когда колеса пошли по идеально ровному асфальту, он на секунду перевел взгляд на неё.

— Что ты мне нравишься.

Мира замерла. Сердце ощутимо стукнуло в грудной клетке и на мгновение защемило, словно ей не хватило воздуха. Она не сразу поняла, что именно выбило её из колеи больше: его обезоруживающая прямота или полное отсутствие флирта в голосе. Он сказал это так, будто констатировал факт, как температуру воздуха или направление ветра. Мира моргнула, проверяя, не ослышалась ли, и медленно поставила кофе в подстаканник, боясь, что рука дрогнет.

— Ты быстро делаешь выводы. — голос прозвучал с той самой учительской серьезностью, которую она включала в школе, когда ситуация выходила из-под контроля.

— Я быстро принимаю решения, — поправил он.

Марко переключил передачу, и это движение было скупым, точным. Его рука на мгновение оказалась совсем рядом с её коленом, и Мира почувствовала исходящее от него тепло, от которого захотелось либо вжаться в дверь, либо, наоборот, податься навстречу.

— Могу предположить, что часто ошибаешься.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было бравады, скорее спокойная уверенность человека, привыкшего отвечать за свои слова.

— Достаточно редко, чтобы продолжать это делать.

Мира отвернулась, за окном мелькали редкие огни, чёрные силуэты деревьев, трасса уходила в ночь.

— А если я скажу, что это не лучшая идея? — Вслух она говорить не хотела, вышло это само собой.

Он сбавил скорость, будто вопрос требовал большей сосредоточенности. Пауза длилась секунду, две.

— Буду вынужден с тобой согласиться.

Она резко повернула голову.

— Тогда зачем ты мне об этом сказал?

— Я в отличии от тебя, говорю прямо, когда меня спрашивают. — Салон наполнился напряженной тишиной. Марко сбросил скорость, подъезжая к веренице машин перед КПП. Впереди перемигивались красными огнями несколько фур. — Глупо утаивать, что ты мне симпатична. Но это не значит, что я собираюсь переступать границы.

Мира сглотнула. Сердце билось слишком быстро. Она посмотрела вперёд на шлагбаум, на таблички, на медленно ползущую очередь. И прежде чем успела остановить себя, выдала:

— Ну… границу мы сейчас всё равно переступим. В прямом смысле.

Тишина повисла на долю секунды. Она тут же почувствовала, как к щекам приливает тепло. Она опустила взгляд к полупустому стакану, будто тот мог её спасти.

Марко сначала просто смотрел на неё. Потом уголки его губ медленно поползли вверх. Он выдохнул коротким смешком.

— Точно.

Очередь двигалась медленно, рывками, красные огни впереди вспыхивали и гасли, как нервный пульс. Марко опустил стекло ещё до того, как к машине подошёл пограничник. Ночной воздух сразу стал холоднее, плотнее. Запах кофе сменился запахом асфальта и дизеля.

— *Dobro veče. Dokumenta, molim.*

Марко ответил. Их реплики звучали быстро, отрывисто. Паспорта перешли из рук в руки. Пограничник наклонился чуть ниже и перевёл взгляд на Миру.

— Prvi put prelazite ovu granicu?

Она растерялась. Слова были понятны лишь частично. Она посмотрела на Марко. Он чуть повернулся к офицеру и пояснил:

— Ona je iz Rusije. Ne govori srpski.

Пограничник кивнул и уже на русском повторил:

— Впервые пересекаете эту границу?

Пограничник ждал ответа спокойно, без раздражения.

— Да, — голос её прозвучал тише, чем она планировала.

Он кивнул, вернулся к сербскому и коротко бросил Марко:

— Koliko ostajete?

— Par dana. U Budvi.

Пограничник кивнул, пролистал паспорта внимательнее. Палец задержался на визе, потом на пустых страницах. Он поднял взгляд на Миру, сверяя фотографию с реальным лицом.

— Otvorite gepek.

Марко вышел. Багажник открылся с коротким щелчком. У дальней стенки закреплённая аптечка и знак аварийной остановки. Больше ничего.

Пограничник осветил пространство фонариком, провёл лучом по углам, по обшивке, задержался на нишах. Постучал по пластиковым панелям, наклонился чуть ниже, проверяя, нет ли скрытых отсеков, затем выпрямился.

— Imate li nešto za prijavu? Alkohol? Cigarete?

— Ne.

Кивок. Багажник разрешили закрыть.

— Parkirajte tamo. Šalter broj dva.

Машина медленно подъехала к низкому зданию с тусклым светом внутри. В помещении пахло бумагой, пылью и кофе из автомата. За стеклом сидела женщина в форме. Она взяла паспорта, проверила данные в компьютере.

— Turistički boravak?

— Da.

Щёлкнул штамп. Один. Второй. Она аккуратно повернула паспорта, поставила отметки о въезде, проверила дату.

— Sledeći. — Паспорта вернулись через узкое окошко.

Они вышли обратно в ночь. Очередь за их машиной уже продвинулась. Красные огни впереди мигали всё так же неровно. Марко подошёл к машине, обошёл её спереди и открыл Мире пассажирскую дверь. Движение было привычным, почти машинальным, но в этой паузе, между поднятым шлагбаумом и тёмной дорогой, оно ощущалось иначе.

Она шагнула ближе; он, придерживая дверь, слегка коснулся её запястья, всего на секунду, чтобы пропустить вперёд. Контакт был случайным. Кожа к коже. Они оба едва заметно вздрогнули, как от короткого разряда. Мира на мгновение задержала дыхание. Марко отдёрнул руку, явно не ожидая этой реакции.

Она села в машину. Он закрыл дверь осторожнее, чем обычно, обошёл капот и занял своё место за рулём. Двигатель завёлся с короткой вибрацией. Шлагбаум медленно поднялся. За ним начиналась дорога на Будву.

— Доедем до Подгорицы, зайдём в круглосуточное кафе. Потом дальше, на Будву. У приятеля там студия. Ключи у меня есть.

Мира кивнула. Ничего не ответила. Тишина в машине стала напряженнее, чем полчаса назад. Тогда она была нейтральной. Теперь она давила. Слишком ощутимая для двоих в замкнутом пространстве.

Марко включил поворотник, и они вырулили на основную трассу. Дорога сразу пошла в гору, серпантином, узкая, с крутыми поворотами, где встречные фары выныривали из темноты внезапно, как хищники. Он вёл машину уверенно, но теперь Мира замечала другое: как напряжены его руки на руле, как он чуть прикусывает губу на крутых виражах. Или ей только казалось? Она уже перестала доверять собственным ощущениям.

За окном поплыли тёмные силуэты гор, уходящие в никуда. Где-то там, внизу, изредка проглядывали редкие огоньки, деревушки, прилепившиеся к склонам.

— Как рука? — спросил Марко, не глядя на неё.

— Нормально. Не болит почти.

— Это лидокаин ещё работает. Через час начнёт отпускать, тогда придётся потерпеть. — Он помолчал. — Я серьёзно, Мира. Обязательно скажи, когда начнет болеть.

— Скажу.

Она отвернулась к окну, но боковым зрением видела его профиль. Он смотрел только на дорогу, сосредоточенно, даже слишком. Будто боялся отвлечься. Или боялся снова на неё посмотреть.

Горы расступились, и дорога нырнула в тоннель. На несколько секунд их накрыла абсолютная темнота, только жёлтые огни разметки проносились под колёсами пунктирной линией. Тоннель кончился так же внезапно, как начался. Впереди распахнулась долина, усыпанная огнями. Где-то там должна была быть Подгорица.

— Здесь невероятно красиво, — выдохнула Мира, не отрывая взгляда от открывшегося вида. Огни внизу переливались, дрожали, словно кто-то рассыпал драгоценные камни по бархату.

Марко сбросил скорость, покосился на неё и, не говоря ни слова, прижался к обочине. Машина мягко остановилась на гравийной насыпи.

— Ты чего? — удивилась Мира, поворачиваясь к нему.

Но он уже вышел, захлопнул дверь и через несколько секунд открыл её с пассажирской стороны. Протянул руку ладонью вверх.

— Выходи.

— Зачем?

— Я хочу, чтобы ты всё рассмотрела.

Мира посмотрела на его руку, широкую ладонь с длинными, аккуратными пальцами. Теми самыми, что пару часов назад копались в её ране. Те, что вытирали её слёзы. Она колебалась секунду, потом вложила свою ладонь в его.

Он помог ей выбраться из машины, придержал за локоть здоровой руки, когда она ступила на неровную почву. Ночной воздух ударил в лицо прохладой.

— Сюда. — Марко огляделся по сторонам, убеждаясь, что дорога пуста, и легонько потянул её за собой. — Там чуть дальше смотровая.

Марко бросил на неё взгляд, задержавшись. Остановился, развернул её к себе лицом. Взгляд его скользнул по её плечам: открытым, беззащитным в ночном свете, по тонким бретелькам платья, по ключицам, на которых выступили мурашки. Задержался на повязке, белеющей в темноте.

— Ты замёрзнешь, — он развернулся и направился к машине. Мира смотрела, как он открывает заднюю дверцу, достаёт что-то из салона и возвращается.

— Дай-ка, — он подошел в плотную.

Мира замерла. Он стоял так близко, что она чувствовала тепло его тела, слышала его дыхание. Марко медленно, очень осторожно расправил джинсовку в руках.

— Повернись, — тихо попросил он.

Она на автомате развернулась, и замерла, чувствуя, как его руки поднимают куртку, как ткань опускается ей на плечи. Теплые пальцы едва касались её кожи, поправляя воротник, расправляя ткань на спине, а дыхание касалось затылка.

Марко задержал руки на её плечах; громко вдохнув и выдохнув, развернул её обратно.

— Идём, — он кивнул в сторону смотровой.

Она сделала шаг вперёд, к самому краю, и оперлась здоровой рукой о холодный металл перил. Другая, перевязанная, безвольно висела вдоль тела, но Мира почти не чувствовала боли, только глухую пульсацию в такт сердцу.

Внизу, под ногами, серпантин дороги вился бледной лентой, уходя в темноту. Огни Подгорицы горели россыпью тёплых жёлтых точек, отражаясь в её глазах. Ветер трепал волосы, забрасывал пряди на лицо, но она не убирала их, позволяя им хаотично кружить вокруг лица.

Она глубоко вздохнула, набираясь смелости, и повернулась. Нос уткнулся ему в грудь, в мягкую ткань рубашки, под которой чувствовалось тепло. Его запах ударил резко, пьяняще, тот самый, которым уже пропиталась куртка, только здесь, вблизи, он был сильнее.

Внутри всё оборвалось и одновременно сжалось в тугой, ноющий узел. Сердце защемило так, что стало трудно дышать. То самое чувство, которое она уже ловила сегодня несколько раз.

Только теперь оно заполнило всё сердце и голову, без остатка, вытеснив мысли, осторожность, страх.

Она замерла, боясь пошевелиться. Боясь, что он отстранится. Боясь, что не отстранится. Медленно подняла голову, встречая его взгляд.

Тьма. В лице, в глазах. Ни намёка на улыбку. Только что-то тёмное, глубокое, от чего воздух в лёгких вытиснился. Он смотрел на неё так, будто видел насквозь. Будто знал всё, что творилось у неё внутри в эту секунду. Будто сам чувствовал то же самое.

Мира не могла дышать. Не могла думать. Могла только стоять и смотреть в его глаза, чувствуя, как этот взгляд прожигает её до самого дна. Она хотела, чтобы он шагнул ближе. Чтобы убрал это крошечное расстояние между ними. Чтобы сделал то, чего она сама сделать не могла.

Он отступил. Всего полшага назад. Совсем немного. Но этого хватило, чтобы холод ночного воздуха ворвался между ними, заполняя пустоту.

Мира моргнула. В груди кольнуло остро, больно.

— Пошли, — осторожно, почти невесомо он положил руку ей на спину. Ладонь легла чуть выше талии.

Глава 4

Подгорица встретила их серой дымкой и пустыми проспектами. Марко припарковался у невысокого здания, где над дверью тускло мерцала вывеска. Он обошел машину, открыл дверь, взял её за руку, помогая встать. Его пальцы обвили её запястье, кожа под его ладонью была ледяной. Пройдя несколько шагов Марко распахнул дверь придорожного кафе. Внутри пахло старым фритюром и дешёвым освежителем воздуха с ароматом лимона.

Они сели у окна. Рассвет ещё не наступил в полную силу, но небо над острыми хребтами гор уже выцвело до грязно-голубого, а уличные фонари начали казаться болезненно-желтыми.

В углу, у старого вентилятора, который лениво вращал лопастями, сидела молодая пара; туристы, судя по рюкзакам у ног. Девушка дремала, положив голову на плечо парню, а тот бездумно листал ленту в телефоне, изредка поглядывая на дверь в ожидании такси. Девушка что-то тихо пробормотала во сне, теснее прижимаясь к парню, и тот машинально, не отрываясь от телефона, погладил её по плечу.

Официант в помятой белой рубашке подошёл к ним не сразу. Он медленно вытирал руки о фартук, глядя куда-то сквозь посетителей. Пересменка была совсем скоро, и новые гости явно не входили в его планы на остаток ночи.

Он нехотя положил на стол два заламинированных меню, края которых давно облупились.

— Сразу говорю, — прохрипел он, даже не пытаясь изобразить вежливость, — кухни почти нет. Повар ушёл полчаса назад. Мяса нет, первого и второго нет. Кофе только из автомата.

Марко даже не открыл меню. Он устало откинулся на спинку стула, с хрустом в суставах, вытянул затекшие ноги под столом, задев ножку стула на котором сидела Мира.

— А что есть? — Он поднял руку и, не глядя, стянул с шеи ворот рубашки, расстегивая верхнюю пуговицу.

Официант шумно зевнул, прикрыв рот тыльной стороной ладони, и на мгновение зажмурился.

— Лепёшки есть. Приганицы. Вчерашние, но можем разогреть. Сыр и мёд остались. Всё.

Марко взглянул на Миру. Она сидела, вжавшись в спинку стула, запахивая на себе джинсовку, и её бледность в этом беспощадном утреннем свете казалась почти пугающей. — Неси лепёшки, — распорядился он. — Побольше сыра. И два двойных эспрессо. Самых крепких, какие сможешь выжать из своего автомата.

Мира, преодолевая тошноту, достала из сумки свой разряженный телефон и протянула его парню.

— Пожалуйста… можно поставить на зарядку?

Официант кивнул, взял телефон и так же медленно побрёл вглубь зала. Мира проводила его взглядом и повернулась к окну, глядя на припаркованный черный седан, покрытый слоем пыли. Лидокаин, который до этого держал боль в вежливой узде, окончательно сдался, и теперь рана заявляла о себе каждым ударом пульса.

Мира чувствовала, как под кожей медленно раздувается тяжёлый, раскалённый шар. Это была тупая, выматывающая боль, которая не давала возможности просто сидеть ровно. Она просачивалась глубже, в самую кость, отдавала в ключицу и тянула шею, заставляя мышцы каменеть от напряжения.

Официант вернулся, с тихим стуком поставив перед ними тарелку. Запах горячего теста, смешанный с едким ароматом солёного овечьего сыра и мёда, ударил в нос, но вызвал лишь новый приступ тошноты. Желудок сжался в тугой узел, протестуя против самой мысли о еде.

— Поешь, — голос Марко прозвучал почти над самым ухом.

Мира вздрогнула, и эта случайная судорога отозвалась в плече такой острой, электрической вспышкой, что в глазах на секунду потемнело. Она крепко зажмурилась, впиваясь пальцами правой руки в край стола. Костяшки побелели. Она чувствовала, как по спине между лопатками поползла холодная капля пота.

— Мира, посмотри на меня.

Она с трудом разомкнула веки. Лицо Марко плыло перед ней, фокус никак не наводился. Он сидел, подавшись вперёд, и его ладонь накрыла её дрожащие пальцы на столе. Мира сделала судорожный вдох, пытайся вытолкнуть из легких застрявший там ком боли.

— Я сейчас, — он поднялся, ножки стула шаркнули по плитке. — Попробуй съесть хотя бы кусок, нельзя пить лекарства на пустой желудок.

Мира проводила его расфокусированным взглядом, видя, как его высокая фигура направляется к выходу, к машине.

Официант, шаркая подошвами, подошёл к столу и поставил две маленькие чашки. Густой аромат кофе на мгновение перебил запах еды, ввинчиваясь в сознание. Мира, преодолевая тошноту, протянула правую руку к тарелке. Пальцы слушались плохо. Она отломила край горячей, лоснящейся от масла лепёшки. Кусок был безвкусным, как вата, она жевала его механически, чувствуя, как в висках и где-то глубоко в груди стучит тяжелый, мерный молот. Боль накатывала волнами: то затихала до глухого нытья, то взрывалась белым шумом в ушах.

Дверь кафе хлопнула, впуская порцию холодного утреннего воздуха. Марко вернулся быстро. Он подошёл к столу, на ходу выщелкивая из фольги две белые таблетки.

— Вот, держи, — он положил таблетки около ей стакана, затем обернулся к стойке, вскинув руку, подзывая официанта. — Стакан обычной воды.

Парень за стойкой, оценив выражение лица Марко, перестал зевать и почти бегом принёс высокий стеклянный стакан. Марко пододвинул его к Мире.

Девушка закинула таблетки в рот, чувствуя их горький, химический привкус, и сделала несколько жадных глотков. Вода была ледяной, она обожгла горло, но на секунду привела в чувство.

— Спасибо.

Марко опустился на своё место, наблюдая за тем, как она пытается справиться с дрожью. Он дождался, пока она сделает ещё один глоток.

— Это только временная мера, Мира. Таблетки снимут острый спазм, но воспаление никуда не денется. Когда приедем в студию, мне всё равно придётся поставить тебе укол.

Она лишь молча кивнула, глядя, как на дне стакана подрагивают остатки воды. Мысль о новом шприце больше не вызывала того панического ужаса, физическая боль в плече была куда страшнее любой иглы.

— Чем ты занимаешься там, дома? — спросил он, и этот вопрос, такой обыденный и нормальный, прозвучал в пустом кафе как гром среди ясного неба.

— Я... — она запнулась. — Я учительница. Преподаю английский в школе.

Марко замер с зажигалкой в руке, так и не чиркнув кремнем, подняв глаза на Миру, и в его взгляде смешались недоверие и искреннее, почти детское изумление. Он оглядел её заново: бледное лицо, растрепанные темные волосы, тонкую линию шеи.

— Учительница? — переспросил он, и в его голосе прорезался смешок. — Серьезно? Present Simple, Шекспир и вызовы родителей к директору?

Он откинулся на спинку стула, качая головой, и на его лице появилась открытая, широкая улыбка, которая сделала его пугающе привлекательным.

— Знаешь, Мира, если бы в моё время в школах были такие учителя, я бы, может, и учился лучше. Или, как минимум, не прогуливал бы уроки. Я бы сидел на первой парте и зубрил все эти ваши неправильные глаголы, только чтобы лишний раз увидеть тебя у доски с указкой в руках.

— Господи, — выдохнула она, качая головой. — Ну почему? Почему у вас, мужчин, это какая-то врожденная, неизлечимая привычка постоянно, при любом удобном случае опошлять мою профессию? Училка с указкой, это что, единственный образ, который способен родить ваш мозг?

Марко невозмутимо вскинул ладони вверх, словно сдаваясь под дулом пистолета.

Официант подошёл к столу почти бесшумно, протянул Мире её телефон, который ожил в его руке: корпус мелко и часто дрожал, а экран вспыхивал агрессивным белым светом, разрезая предрассветные сумерки зала.

Мира замерла, глядя на экран. Имя «Денис» пульсировало в такт боли в плече. Она не спешила нажимать на кнопку. Прежде чем ответить, она подняла глаза на Марко. Голос Дениса ворвался в тишину кафе, как порыв холодного ветра: резкий, раздражённый, до предела натянутый.

— Ты почему не звонишь?! — рявкнул он вместо приветствия. — Мира, я места себе не нахожу.

Мира сглотнула. Она видела перед собой Марко: он сидел, расслабленно откинувшись на спинку стула, и наблюдал за ней с тем самым спокойным любопытством, с каким хирург следит за показаниями приборов.

— Забыла зарядить, извини.

— У тебя всё нормально? — тон мужа чуть смягчился, но в нём всё ещё звенело подозрение.

— Да. А у тебя?

— Всё хорошо, — выдохнул Денис. Было слышно, как он шагает по комнате. — Завтра вечером бой. После него я сразу тебя заберу. Кстати, где ты сейчас?

Мира набрала в легкие побольше воздуха. Взгляд Марко стал чуть острее, он едва заметно прищурился и подался вперед, ожидая её ответа.

— Я сняла номер в другом отеле.

На том конце провода воцарилось минутное молчание.

— Хорошо.

— Удачи тебе завтра. — Она нажала «отбой» и положила телефон на стол экраном вниз. В груди всё еще бешено колотилось сердце, а в ушах стоял гул, но ложь уже была произнесена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.